БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

УДК 02.001.31"312"

Столяров Ю.Н.

Беспринципность как основной принцип современной библиотечной политики

Показана несостоятельность принципа общечеловеческого и принципа плюрализма как якобы лежащих в основе современной библиотечной политики. Высказана мысль о беспринципности нынешней библиотечной деятельности. Предложен для обсуждения иной основной принцип библиотечной политики — принцип социальной справедливости, базирующийся на новой русской идее.

Раньше работать было просто. Библиотечная политика[1] была вполне определенной: на все случаи жизни были даны четкие директивы, инструкции, указания. Какой принцип должен лежать в основе библиотечной деятельности? Коммунистическая партийность, и понимать ее следует так-то и так-то и, упаси Бог, никак иначе. Следует ли руководить чтением библиотечных абонентов? Обязательно, и это означает то-то и то-то.

Следовали ли библиотекари всем этим установкам и в какой мере — то другой вопрос. Кто-то следовал, а большинство только делали вид, что следуют. Многочисленные проверяльщики в свою очередь делали вид, что верят библиотекарям. Нагоняли, конечно, строгости, но и библиотекари не лыком шиты — делали вид, что боятся. И все были довольны.

Как выглядела на практике реализация пресловутого принципа

---

[1] Библиотечная политика — это система идей, теоретических положений и директив о месте и роли библиотеки в обществе, а также практическая деятельность государства и различных общественных институтов по реализации этих идей, положений и директив.

партийности в условиях жесточайшего тоталитарного режима, о который источили столь много перьев так называемые демократы? Выглядела она так. Библиотекари почитывали передовые статьи в наших профессиональных журналах, но для чего? Вовсе не для того, чтобы реализовать их на практике, а чтобы быть "в курсе". Чтобы начать с этого обзор литературы, первый (скучнейший) доклад на методическом семинаре, курсах повышения квалификации. Один с ученым видом знатока читал по бумажке, остальные с таким же умным видом слушали, даже кивали, а сами украдкой поглядывали на часы. Кончался доклад, и со вздохом облегчения можно переходить к действительно насущным проблемам повседневной работы. Потому что реализовывать было в общем-то нечего и незачем. Партийность комплектования, пропаганды литературы? Полноте, она заранее предвосхищалась нашими издательствами, так что библиотекарь попросту лишался возможности приобрести что-либо, не соответствующее установкам господствующей идеологии. Если в чем партийность и проявлялась, то в неумеренной экземплярности партийно-политической литературы, ее навязчивом выпячивании на выставках, в фондах открытого доступа и т. д. Принуждали ли читателей непременно ее изучать? Да нисколько. В статистике соответствующие цифры, конечно, были. И чтобы они выглядели потолковее, их брали с потолка. Многочисленные комиссии все это устраивало. Для порядка они указывали, что цифры маловаты. Библиотекари приписывали еще один нолик. Потом еще один. Так все потихоньку и шло. А читатель даже и не знал, что он такой идейный. Брал те книги, что есть, а о том, чего он лишен, обычно ему узнать было неоткуда. Он и не спрашивал того, чего нет.

Вот почему столь мощные и монолитные, как казалось, принципы рухнули в одночасье и бесшумно. Изменилась политическая ситуация в стране — и библиотекари научно-технических библиотек (те из них, кому посчастливилось остаться в живых), ничтоже сумняшеся, перестали тратить деньги на приобретение прежде обязательной общественно-политической литературы, а имеющуюся — частью списали, частью продали, частью задвинули в темный угол.

Что действительно интересовало библиотекарей, так это — как с умом израсходовать отпускаемые им жалкие рубли. Так что фактически они руководствовались не столько принципом партийности, сколько принципом рубля. Освободили их от партийности, и они с еще большим напряжением стали думать, на что же потратить стремительно худеющий рубль.

То же — с грозным, так пугающим многих принципом руководства чтением. Для НТБ было сделано послабление: даже в теории многими признавалось, что на научные, технические, специальные библиотеки этот принцип можно не распространять. Что же касается массовых библиотек, то сколько бы по этому поводу чернил ни тратилось, жизнь брала свое: на выдаче в основном были и продолжают быть наименее квалифицированные библиотекари, не способные руководить чтением, не вооруженные детальной профессиональной технологией. О технологии руководства и говорить-то было невозможно: какая технология, когда этот процесс идейный, творческий, самый ответственный... и прочие звонкие, но бессодержательные слова. Да библиотекарю, занятому сотнями мелких процедур, просто некогда руководить чтением. Инструкциями, регламентировавшими всю его работу, это просто не предусматривалось. Когда, спрашивается, он должен читать первоисточники (а их море) и критику (еще одно море), осмысливать их, вести с читателем душеспасительные беседы? Если же у него (у нее) минутка-другая свободного времени и выкраивалась, лучше она чулок за стеллажами свяжет или в очереди за чем-нибудь постоит — при нищенской зарплате концы с концами сводить как-то надо. Вот вам и связь теории руководства чтением с практическими реалиями.

Что касается библиотечной теории, то универсальные научные, а также массовые библиотеки оказались в самом беззащитном состоянии, но, к счастью, по-видимому, и не замечают этого, поскольку всерьез никогда на теорию и не рассчитывали. Библиотекарь понимает так: это самолеты нельзя строить без теоретических расчетов, это телевизор смотреть нельзя, если какая-либо деталька теоретически рассчитанных нагрузок не выдержит, а в нашем-то деле теория зачем? Только чтобы авторы-теоретики получали дипломы да гонорары. Мы, мол, по-прежнему готовы потупить очи, когда нас уличат в незнании современной специальной литературы или начнут укорять, что мы сами мало пишем в журналы. Пусть лучше упреки, чем трата времени на пустопорожнюю болтовню.

Вот о чем думает библиотекарь, и думы, и деятельность его терпимы до той поры, пока теория действительно не станет для него путеводным лучом, пока жизнь не начнет сурово карать за нарушение законов. Раньше хоть нужно было делать вид, что соблюдаешь правила игры в поддавки, а сегодня и этого не нужно. Мало ли что в

законе написано. А если я этого не знаю? А если мне он не подходит? А если я его не понимаю? Да я вообще о нем думать не хочу! Пока такое поведение сходит с рук, ожидать чего-то более или менее вразумительного как от теоретиков, так и от практиков не приходится.

Но если вдруг законы заработают? О, об этом страшно даже подумать! Ведь тогда, как говорится, не поймешь, от чего помрешь. Библиотекари вмиг обратятся к теоретикам, а что же те им предложат? Несусветный сумбур и ничего больше.

Давайте попробуем разобраться всерьез хотя бы в нескольких ключевых вопросах.

Один из них — основополагающий принцип библиотечной деятельности. Как известно, раньше его роль исполняла коммунистическая партийность. А теперь что? И так ли легко следует отмахиваться от партийности? На это можно ответить определенно: все, что ранее было сказано о партийности, не только не потеряло актуальности, но — с возникновением десятков и сотен партий — необычайно возросло. Изменился (частью сузился, а частью расширился) лишь масштаб применимости этих положений. Количество партийностей соответствует числу партий. И трудно представить ситуацию, чтобы библиотека, скажем, анархистской организации терпела монархическую направленность собственной библиотеки, а библиотека при сионистской организации приняла к себе на службу антисемита и наоборот.

Значительно сложнее разобраться с основным принципом деятельности государственных библиотек. Будем понимать ради краткости этот термин условно, имея в виду также библиотеки и ведомственные, и федеральные, и муниципальные. Как известно, государственным учреждениям запрещена политическая, идеологическая деятельность[2]. НТБ, как упоминалось, встретили запрет с облегчением — такая функция генетически им не свойственна. Но если научно-технические библиотеки от политической литературы отказались с удовольствием, то универсальные научные и массовые этот запрет выполнили с точностью до наоборот. Вместо того, чтобы всю общественно-политическую литературу немедленно сдать в утиль, а в лучшем случае отправить в спецхран, они как приобретали ее, так и продолжают приобретать. А пропаганда ее, с резким ростом политизации общества, столь же резко оживилась, поменялись лишь при-

---

[2] См. Указ Б.Н. Ельцина о департизации государственных учреждений, организаций и предприятий от 12 июля 1991 г.

оритеты. Библиотекари начали соревноваться друг с другом со все возрастающим спортивным азартом: "У вас выставка "Красный тер рор"? Тогда у нас — "Кремлевские жены". Вы всю современную политическую литературу выставили в фонд открытого доступа? Ну, а мы всю библиотеку перепрофилируем и назовем ее независимой". И не боятся грубо нарушить закон, а все потому, что знают: никто их за это не накажет, благо в защиту коммунистического идеала и социалистического выбора они не выступают.

Вышел в 1990 г. закон с весьма странным названием — "О свободе совести и религиозных организациях"[3]. В соответствии с ним государственные учреждения не имеют права лить воду на мельницу ни религии, ни атеизма. Как же ответили на этот Закон законопослушные государственные библиотеки? Половину его выполняют неукоснительно: атеистическое просвещение свернули все враз, а вот что касается религии, то столь же повсеместно наблюдается буквально взрыв ее пропаганды. Если раньше в фонде литература по атеизму занимала скромную полочку, а атеистическая работа занимала несколько строк в годовых отчетах, то теперь возникли целые отделения религиозной литературы, специализированные филиалы по ее усиленному продвижению в широкие народные массы.

Самое изумительное попрание этого Закона имело место 16 февр. 1993 г., когда в Российской государственной библиотеке при огромном стечении народа открылась выставка "Русская православная книга". Сама по себе эта выставка поражала богатством содержания, высочайшим художественным вкусом и профессионализмом исполнения. Но было нечто еще более потрясающее, чем столь модная ныне предшествовавшая ее открытию церковная служба с последующим освящением и без того святых книг и присутствующей публики: героями дня были идущие рука об руку патриарх и вице-президент России, не считая многочисленных представителей светской и церковной власти. И царил на выставке дух мира и согласия, все разошлись, довольные друг другом.

Осуждать ли библиотекарей за такую противоправную деятельность? Или лучше узаконить библиотечную деятельность, вполне

---

[3] Странен он вот чем: про совесть в нем ни слова, а все только про вероисповедание каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Предполагается по-видимому: у кого есть вера, у того есть и совесть, а ежели кто атеист — тот и бессовестный, ату его! Не потому ли наши лидеры так любят на людях со свечкой показываться?

гармонично отвечающую доминирующим общественным настроениям? Конечно, правильнее было бы усовершенствовать законотворчество. Может, в будущем библиотечном законе эти моменты найдут отражение? А может, в результате ситуация станет еще хуже: обнаружится противоречие между разными законами. В этом случае положено руководствоваться более общим законом, т. е. Конституцией. Но если особенности библиотек как социальных институтов не учтены ни в одном из частных законов, тем более о них никто не вспомнит на конституционном уровне. Так и придется библиотекарям руководствоваться не законами, а своей революционной сознательностью. А вы говорите, будто большевизм скончался. Да он всех нас переживет.

Но положим тем не менее, что библиотековедам дали возможность законодательно зафиксировать основной принцип библиотечной деятельности. Что они предложат?

А они уже предложили. Общечеловеческое и плюрализм. Хотите — вместе, хотите — по отдельности. Хотя нет, вместе нельзя: плюрализм предполагает не только общечеловеческое, но и античеловеческое, вообще все, что угодно. Так что: или — или.

Хорошо, возьмем первое — принцип общечеловеческого. В свое время, когда М.С. Горбачев выдвинул этот принцип, он немало удивил и позабавил человечество, ибо, во-первых, этот принцип каким-то непостижимым образом исключал самую общечеловеческую идею — коммунизм, а во-вторых, никто этот принцип всерьез не воспринимает и им (или по крайней мере только им одним) не руководствуется. Что-то не было о нем слышно ни в фолклендском кризисе, ни в иракско-кувейтско-американской войне. Сегодня никто о нем не вспоминает ни на Кавказе, ни в супер, казалось бы, демократичной Прибалтике. Но отвлечемся от политики, в библиотечном-то деле что этот принцип означает? Толком, конкретно, внятно никто ответить не может. Так, говорят красивые слова в общем и целом. На интуитивном уровне. Значит, опять же в расчете на субъективное усмотрение библиотекаря.

Но я, библиотекарь, хотел бы знать конкретно, какими соображениями мне руководствоваться при реализации этого принципа хотя бы при комплектовании фонда. Руководствуйтесь, говорят, вечными ценностями. Писанием, например. Хорошо, раскрываю скрижали пророка Моисея. Первая заповедь: "Не сотвори себе кумира". Это что же: Пушкина и Толстого — в макулатуру?! И творения чьего-то

кумира господина Жириновского — тоже?! Подождите-ка, но ведь сбросить Пушкина с корабля современности намеревались еще пролеткультовцы в 1918 г. Не ведали, видно, что творили... богоугодное дело. Зря их не послушались.

"Не убий, не укради". Не означает ли это, что все детективы надо снести на свалку? Заодно с военными мемуарами.

"Не пожелай жены ближнего своего". Так, "Анну Каренину" все-таки придется в костер бросить.

"Возлюби отца своего и матерь свою". Это вот завет подходящий, тем более что сплошь его нарушают: отцы и матери деток своих любят, а те их — не очень. Ну, педагогику выкинуть с полок недолго, да только где взять книги о любви к родителям?

А что порекомендовать научно-техническим библиотекам по их профилю? Моисей тут не поможет, авось Христос (воспримем его как реальную историческую личность) подскажет? Он и подсказывает: возлюбите, говорит, врагов ваших, молитесь за проклинающих вас. Ага, значит нужно срочно укомплектоваться атеистической и коммунистической литературой. И у кого там территориальные претензии к России? Давайте ваши книги за любую цену, а понятия патриотизма для Христа не существовало. Соответственно, и эта литература мне не нужна.

"И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме" (от Матфея, гл. 21, стих 12). Это он правильно сделал. Если бы он когда-нибудь пожаловал в библиотеку — тоже духовный храм, он выбросил бы всю литературу о продающих и покупающих, т. е. по экономике.

Далее учит меня Царь Иудейский: "Богу — богово, кесарю — кесарево". Опять правильно и понятно: государственный библиотекарь — кесарев служащий, богова в его фонде не должно быть. А что кесарево-то должно быть? Об этом спросите у кесаря. Мы только что спросили — ничего не поняли. Круг замкнулся.

Не могу удержаться, чтобы не процитировать одну умную мысль: «Христианские, мусульманские, арийские и прочие ценности, воспринимавшиеся их носителями как универсальные и окончательные, служили моральным оправданием неисчислимого множества сокрушительных войн и набегов — от крестовых походов до вторжения Гитлера в Россию. Эти же ценности освящали и вековую несправедливость разделения человечества на богатых и бедных, на сильных и сирых и убогих, бояр и холопов. Таким образом, мы оказываемся

между Сциллой "классового подхода" и Харибдой "общечеловеческих ценностей". Судя по историческому опыту, неразборчивое применение последних совершенно определенно принесет не меньше горя, чем применение первых»[4].

Ну что же, отринем "общечеловеческое", положим в основу принцип плюрализма, или, говоря по-русски и попроще, вседозволенности. Хотите "Я помню чудное мгновенье..." или "Космическую проститутку" — мне все едино. Тем более, что теория руководства чтением А.Н. Ванеева это допускает, а педагогика сотрудничества В.И. Терешина вообще запрещает вмешиваться в чье-то чтение. Так что отныне библиотекам позволено все! Видите, как просто жить и сейчас (полагают адепты этого принципа).

Разрешено-то все, но вот что Ленина и Сталина не резон сейчас на свет Божий вытаскивать, это-то вы, дорогие библиотекари, надеюсь, и сами понимаете? И с "Забавной Библией" шутить не время. И еще: на каких весах вы взвесите, литературу каких партий в каком количестве приобретать и в какой последовательности выставлять? Особенно в условиях переживаемого библиотеками жесточайшего финансового дефицита.

Сейчас любят распространяться о том, что деятельность библиотек деидеологизирована, политически нейтральна и т. д. (это в условиях-то резкой и все возрастающей политизации общества). Библиотека, мол, это плюрализм во всех областях науки и культуры, это система открытий для читателей. Оригинальность, новизна информации, ее полнота в источнике, степень ее обобщенности, доступности и т. д. — вот основные критерии отбора документов в фонд любой библиотеки. Фонд обязан обеспечивать уровень плюралистического представления... и много других красивых слов.

Мне уже доводилось писать о принципе в самом общем виде, содержание которого гораздо шире, чем партийность, плюрализм и что бы то ни было еще. И что этот принцип проявляется почти объективно, т. е. что им, хотят они или нет, вынуждены руководствоваться все библиотеки во все времена. Он вытекает из природы библиотеки как общественной системы. Функции всякой системе задает внешняя среда, и если система их не выполняет, внешняя среда ее отторгает, разрушает. В нашем случае речь идет о принципе

---

[4] Шебаршин Л.В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. — М.: Центр-100, 1992. — С. 11.

соответствия библиотечной деятельности задачам, которые ставит перед ней общество, т. е. применительно к государственным библиотекам их читатели и обслуживающее их, управляющее ими государство в лице известных трех властей и их соответствующих органов. И если государство сильнее своего народа, то музыку заказывает оно, и тот, кто противится принципу партийности, выступающему как конкретизация принципа соответствия, рано или поздно оказывается в сфере влияния ГУЛАГа. А если государство узаконивает плюрализм или аполитичность (из сказанного выше видно, что обеспечить политическую нейтральность можно лишь разорив или закрыв библиотеку), то на самом деле оно всего лишь вынимает стержень из библиотечной работы, и она становится беспринципной и подверженной сиюминутным конъюнктурным колебаниям.

Как бы то ни было, и партийность, и плюрализм, и идея сохранения природы (для библиотек "зеленых"), и клерикальная идея (для библиотек духовных), и т. д. и т. п. — все это разновидности принципа соответствия, или конгруэнтности, или адекватности, которому неизбежно следуют те или иные библиотеки, если хотят сохранить свою качественную определенность и просто выжить.

То, что государственные библиотеки не могут опираться ни на один из перечисленных принципов, кажется ясным. Так на что же им опираться? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно присмотреться к опыту других стран и не выдумывать ничего экстравагантного. Каков же этот опыт? Многие полагают, что он и состоит как раз в концепции плюрализма. Образцом в этом отношении считают Билль о правах библиотек, принятый в США в 1948 г. Вот ему, мол, и надо следовать.

Присмотримся, однако, поближе к этому документу. Тут мы прежде всего заметим, что он был выработан библиотечной общественностью с совершенно определенной политической целью — создать противовес маккартистам, требовавшим изъятия из библиотек коммунистической литературы. Встав на ее защиту, американские библиотекари провозгласили право на существование в библиотеках книг различных политических партий.

Далее. Декларацию об освещении фондами всех точек зрения на текущие или исторические события при наличии механизма ее реализации (а его нет) еще можно попытаться воплотить в стране со

стабильной политической ситуацией, но не у нас и не в данный исторический момент[5].

Тот же Билль провозглашает установку библиотек на обеспечение интересов, информирование и просвещение всех слоев общества, т. е. на четкую библиотечную политику, а отнюдь не на вседозволенность. При формировании фондов одним из обязательных критериев для библиотек всех типов является "соответствие приобретаемого издания действующему документу о политике комплектования фондов данной библиотеки"[6], в котором эта политика четко регламентируется с точки зрения того, что и с каких позиций отбору подлежит, а что — отвергается. Еще цитата: "Комитет по аккредитации ALA разработал следующие рекомендации по содержанию магистерских программ библиотечных школ: ...понимание роли библиотеки как воспитательного и информационного органа..."[7] Может, хватит примеров?

Нашим коллегам (М.Т. Чолдин и Р.Х. Бургеру) "совершенно ясно, что для обеспечения информационных потребностей в новые времена требуются новые руководящие принципы и новые стратегии... Наши страны очень различны и в историческом плане, и в настоящее время. Стратегия и решения, полезные для нас, могут быть совсем неприемлемыми в вашей стране"[8]. Так что не стоит тешить себя иллюзиями, будто возможен механический перенос американской библиотечной философии на российскую почву. Правильнее следовать совету указанных авторов использовать американский опыт для стимулирования собственной теоретической мысли.

И вот, обобщив опыт США, а также других стран, включая все составлявшие СССР, кроме России, вдруг неожиданно констатируешь, что всем им свойствен общий главенствующий принцип, определяющий их менталитет во всем, в том числе и в библиотечном деле. И это отнюдь не космополитичность, как они пытаются убедить себя и других, а совсем-совсем наоборот: ярко выраженные идеи приоритета национального суверенитета, национальных интересов и ценно-

---

[5] О философии развития библиотечного дела в США // Библиотеки и библиотечное дело США: комплексный подход. — М.: Информ-система, 1992. — С. 6.

[6] Комплектование фондов библиотек // Там же. — С. 87.

[7] Библиотечное образование в США // Там же. — С. 229.

[8] О философии развития библиотечного дела в США// Там же. — С. 7.

стей. Для США нет ничего дороже американского образа жизни; для Англии прежде всего: правь, Британия; для Литвы, Грузии, Татарстана ... Ну, не буду бередить больные раны. Сошлюсь всего лишь на один документ — приказ молдавского министра культуры и культов Иона Унгуряну, изданный еще во времена существования СССР: исключить из фондов библиотек все книги, которые "идут вразрез с интересами и ориентацией молдавского государства"[9].

Не всегда этот принцип формулируется так откровенно, но всегда и все следуют именно ему прежде всего и неуклонно.

В основе дореволюционной библиотечной политики тоже лежало нечто похожее — "русская идея", всемирно признанная как выдающееся достижение философской мысли. Суть ее кратко выражается в трех словах: самодержавие, православие, народность. В интерпретации Владимира Соловьева это также историческая предназначенность России для всечеловеческого примирения и духовного объединения людей.

К чему вспоминать о русской идее сейчас? К тому, что, поскольку всякое развитие осуществляется по спирали, не пришла ли пора возвратиться к самобытным национальным творческим истокам, взяв из них все ценное, расширив, видоизменив и трансформировав их в принцип социальной справедливости?

Самодержавие в России изжило себя, да и не в нем, как таковом, суть. Рациональное зерно тут в идее приоритета государственности, державности безотносительно к той или иной конкретной форме государственного правления. Она, естественно, включает в себя воспитание библиотечными средствами патриотизма, предпочтительности общероссийских интересов перед всеми прочими, без ущемления, конечно, интересов локальных, а также интересов сопредельных и иных стран. Так идея патриотизма органично сочетается с идеями интернационализма и социальной справедливости, т. е. позволяет реализовать одну из общечеловеческих ценностей.

Идея православия ограничивала интересы других конфессий, а также атеистов. Она должна быть расширена до идеи духовности во всех ее проявлениях. И тогда окажется, что в нее легко вписываются многие общечеловеческие ценности. В частности, предоставление документов, пропагандирующих православие, спокойно уживается в этом случае с пропагандой ценностей любых других религий, а

---

[9] В молдавских библиотеках — чистка // Известия. — 1991. — 1 июня. — С. 3.

равно и атеизма. Вот мы и пришли, хотя и несколько с иной стороны, к плюрализму и справедливости в отношении к вопросам вероисповедания. Что касается отношения к светской литературе, то в вопросе о предпочтительности "Я помню чудное мгновенье..." или "Космической проститутки" сто шансов в пользу Пушкина и ни одного против.

К слову, ясно и то, как решается вопрос с кумирами: не хотите творить себе кумиров — пожалуйста, довольствуйтесь Писанием. А если ваши кумиры — Толстой, Ломоносов и Энштейн, то вот их труды, изучайте на пользу науке, производству, культуре и одновременно на свою собственную. И это, опять же, представляется справедливым.

Понятие народности расширить невозможно, но изменить его наполнение необходимо. Вот здесь можно взять то положение из американского Билля о правах библиотек, которое ориентирует на обеспечение интересов, информирование и просвещение всех слоев общества. С поправкой на пропорциональность этого обеспечения величине каждой социальной группы. В научных и технических библиотеках акцент, очевидно, придется перенести на аспект информирования. В общедоступных библиотеках народность предполагает отбор и пропаганду прежде всего тех документов, которые проникнуты заботой об основной массе народа, удовлетворяют интересы прежде всего самых многочисленных, а также социально незащищенных групп читателей, для чего их (читателей) надо стратифицировать по этому признаку. Хотите книгу на тему "Как самому построить дом" — пожалуйста, а "Как самому сделать бомбу" — вопрос не к нам. Так реализуется в данном случае социальная справедливость.

Будучи по природе таким социальным институтом, который идеально приспособлен для консолидации общества, библиотека должна четко проводить линию на согласие, а не конфронтацию различных общественных групп. Приверженцы разных социальных ориентаций могут встречаться в библиотеке для того, чтобы вместе искать пути стабилизации общества, а затем — и его развития. Предпочтительнее обеспечить медленный процесс межгруппового согласия, чем стремительный разрыв общественных связей на основе их противопоставления. Отсюда сама собой вытекает особая важность равного признания библиотекой всех позиций, их пропорционального представления в фонде, информационной и просветительской работы. Библиотека в состоянии тактично знакомить пользователей с любыми взглядами, предоставлять нейтральную почву для встреч их представителей и приверженцев, открыто проводя при этом собственную

политическую ориентацию на социальный прогресс, на объединение, а не раскол общества. Именно так поступали в свое время американские публичные библиотеки. Но лучше предоставим слово тому, кто скажет об этом авторитетнее, чем я — директору Библиотеки Конгресса США Джеймсу Биллингтону: "... партии, сообщества возникали при библиотеках, люди с теми или иными пристрастиями собирались вокруг библиотек. Библиотека на заре нашей политической истории, в момент созревания общественно-политических взглядов и устремлений занимала в жизни Соединенных Штатов совершенно особое место. Поэтому рискну сказать, что в США больше, чем в Германии или во Франции, библиотеки сыграли роль в развитии демократии. Да, библиотека — основа американской демократии"[10]. Попутно эта цитата — ответ тем, кто убежден, будто американские библиотеки вне политики, нейтральны по отношению к ней.

Нетрудно заметить, что при предлагаемом подходе мы вновь, хотя и своеобразно, выходим на общечеловеческие интересы в естественном сочетании с плюрализмом мнений, т. е. вбираем все ценное, чем обогатили общественную мысль принципы партийности, общечеловеческого, плюрализма и др.

Не будет ли, однако, данный подход расходиться с какими-либо официальными установками на сей счет? В основе своей он не несет в себе ничего такого, что шло бы вразрез с большой государственной политикой. Процитирую полностью статью 2 "Принципы государственной политики в области библиотечного образования" Закона об образовании, а читатели сборника пусть попробуют найти хоть одно отступление от принципа конгруэнтности (т. е. соответствия библиотечной деятельности обслуживаемой библиотекой системе, в данном случае образовательному учреждению), имея в виду, что конгруэнтность выступает в виде новой русской идеи: "Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах:

а) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности и любви к Родине;

б) единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства;

---

[10] Биллингтон Дж. Символ состояния нации // Наше наследие. — 1991. — № 6. — С. 3.

в) общедоступность образования, адекватность системы образования уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся воспитанников;

г) светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях;

д) свобода и плюрализм в образовании;

е) демократический, государственно-общественный характер управления образованием. Автономность образовательных учреждений"[11]

Если бы все законы столь тщательно формулировались в политической их части! А теперь сравните с этой формулировкой статью 15.4 о библиотечной политике в проекте Закона о библиотечном деле[12]: вот где "смешались в кучу кони, люди" — политический нейтрализм совмещен со вседозволенностью, т. е. библиотеки пущены на волю волн без руля и без ветрил. В самом деле: чтобы соблюдать нейтралитет в вопросах, например, политики, с политической литературой лучше не вести никакой работы — не приобретать, не выдавать, не выставлять. Чтобы быть в этом отношении плюралистичным, надо — наоборот — представить литературу всех партий и общественных движений, и тогда нет речи о нейтралитете.

Выдвигая этот совершенно новый подход к основам библиотечной политики, я отдаю себе отчет, что это пока еще только постановка вопроса. Детальная его проработка должна начаться лишь после того, как библиотечной общественностью будет принята сама идея. Конкретизация идеи — это, конечно, серьезная, трудная, но зато и по-настоящему нужная работа, которую должна проводить каждая библиотека, никто за нее и лучше нее эту работу не сделает. НТБ в этом отношении в самом лучшем положении — запросы на специальную литературу дифференцируются четче всего.

Давайте обсудим это предложение вместе, или вы, уважаемые читатели сборника, и на этот раз предпочтете промолчать? Ну тогда не сетуйте, что журнал печатает нечто заумное и практически бесполезное. Напишите о том, чего ждете от теории вы.

---

[11] Закон Российской Федерации об образовании // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 30. — С. 2222.

[12] Проект Закона Российской Федерации "О библиотечном деле"// Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 8. — С.13.